

20 января (2 февраля)

Священномученик
Павел Добромыслов

Священномученик Павел родился 17 июня 1877 года в селе Поляны Рязанского уезда Рязанской губернии в семье священника Николая Григорьевича Добромыслова. По окончании Рязанского духовного училища Павел в 1891 году поступил в Рязанскую Духовную семинарию, а в 1897 году – в Московскую Духовную академию. В 1901 году Павел Николаевич окончил Московскую Духовную академию и женился на Клавдии Алексеевне Шуваловой, дочери управляющего имением помещика Салтыкова; впоследствии у них родилось шестеро детей.

1 октября 1901 года епископ Рязанский и Зарайский Полиевкт (Пясковский) рукоположил Павла Николаевича во священника к Старо-Ямской Николаевской церкви в городе Рязани. С 1902-го по 1906 год отец Павел состоял преподавателем Рязанского епархиального женского училища. С 1906-го по 1910 год он был членом Рязанского епархиального миссионерского комитета. С 1910-го по 1912 год отец Павел исполнял обязанности законоучителя в Рязанской мужской частной гимназии. С 1911-го по 1914 год был заведующим и законоучителем Рязанской Мариинской женской гимназии. В 1912 году священник был членом Рязанского отделения Епархиального училищного совета. В 1913 году отец Павел был награжден наперсным крестом.

В 1914 году отец Павел был назначен священником к Скорбященской церкви в богадельне имени Муромцевой в Рязани.

В 1918 году во время начавшихся от безбожной власти гонений он был арестован и некоторое время содержался в одной из московских тюрем в качестве заложника как священнослужитель, пользующийся большим авторитетом среди населения. В 1923 году отец Павел был определен в Благовещенскую церковь в Рязани и возведен в сан протоиерея.

В марте 1924 года архиепископ Рязанский Борис (Соколов) назначил протоиерея Павла на должность Рязанского уездного благочинного. Будучи принципиальным противником обновленцев, отец Павел по поручению владыки написал историю обновленческого движения в Рязанской епархии.

В своих письмах архиепископу отец Павел писал: «Для характеристики того, чем занимаются рязанские обновленцы и какими средствами они стремятся создать себе власть и упрочить ее:

Иду по Рязани. Останавливают меня два милицейских. “Скажи, где находится церковное управление?” Отвечаю: “Такого я не знаю” – “Как такое?” – “Очень просто. У нас нет церковного управления. У нас есть архиепископ и епископ. Их мы и знаем. А церковного управления у нас никакого нет”. – “Что вы говорите? У нас есть бумага из церковного управления, а вы говорите, что такого нет”. – “Интересно, – говорю, – разрешите посмотреть, тогда, может быть, что-нибудь и скажу вам”.

Показывают. Протокол Рязанского губисполкома. Слушали заявление от такого-то числа, за таким-то номером, с просьбой расторгнуть договор религиозных общин Казанской и Троицкой церквей города Сасова за уклонение их в тихоновщину.

Я заинтересовался. Читаю далее. Постановили: просьбу Рязанского церковного управления о расторжении договора отклонить.

Рязанский губисполком оказался на высоте положения и принял справедливое решение. Захотелось мне, чтобы РЦУ сократило свою “энергию” и умерило свой пыл к “доносам”. Я решил помочь милиционерам и указал им адрес на собор. Там теперь в сторожке живет Иван Троянский.

Вот к каким средствам прибегают обновленцы. До сих пор не могут понять, что религия и вера не создаются палкой. На “свое” Успение в соборе служили два “архиерея” – Михаил и Иван, а третий – Алексей Покровский стоял на клиросе и пел. Ведь некому петь-то, народу было в церкви 30 человек любопытствующих...

Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Владыко Борис!

...Недавно получил письмо из Мурома. Оттуда сообщают: “Нового владыку (Алексея Покровского) не принимают ни в один храм”. Этого, конечно, нужно было ожидать. Приезжал он и в Рязань. Служил в кафедральном соборе. Народу было очень и очень мало. Говорил проповедь с выпадами на Святейшего. Среди присутствующих в храме были выражены ему резкие и громкие протесты и возражения. Говорят, насколько верно, не могу утверждать, что Покровский переводится в Сасово. Гармонист откомандирован для исполнения каких-то редакционных работ. Приехал в Рязань Иван Троянский. Случайно я встретился с ним на улице и разговаривал. Мною задан был вопрос: что же, он окончательно сюда приехал на место Михаила? В ответ получил неопределенное: “Да так, поуправлять”. Я на это заметил: “Да кем управлять-то? Паствы-то у вас нет”. А он отвечает: “А вы дайте нам”. На что я возразил: “Если у вас истина и все хорошо, народ сам к вам пойдет. У нас насилия нет. Верующие свободно держатся угодного им вероисповедания”. – “Ну, плоха та школа, – говорит Троянский, – где школьники заправляют, а не учителя”. На это я возразил: “Ну, вы сами себя своими словами побиваете. Плоха ваша школа, плохи ваши учителя, если не умеете управлять своими пасомыми. Если они не идут к вам, то чувствуют вашу гниль”. На этом разговор кончился...

Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Сегодня, 23 августа, был у меня протоиерей Николай Озеров. Убеждая меня, что он ничего не делает без согласия и одобрения своих прихожан, он сообщает, что 15/28 августа у него предполагается общее собрание прихожан для выбора церковного старосты. Им он воспользуется для объявления о своем намерении подчиниться Патриарху Тихону. Причем вновь читал мне в исправленном виде в черновике текст своего обращения. Лично мне показался этот текст приемлемым. Не скрою от Вас, что Озеров очень опасается, что Вы сурово примете его раскаяние. Я старался успокоить его уверениями о Вашем любвеобильном сердце и мудрой архипастырской благопопечительности. Усердно прошу Ваше Высокопреосвященство в случае обращения протоиерея Озерова отнестись к нему со снисходительностью и принять его в свои объятия отча, как Евангельский отец принял блудного сына. Для меня лично обращение Озерова дало бы большое утешение, так как он одновременно вместе со мною совершенно невинно разделял в Москве узы заключения. Пусть это его невинное заключение в Москве, когда он исполнял такую унижительную работу, как очистку ретирада у коменданта, зачтется ему за епитимию, какую он должен был бы нести за свое уклонение в обновленческий раскол. Думаю, что намерение Озерова серьезное. Уверен, что присоединение Озерова не замедлит сказаться благотворными последствиями: его примеру, несомненно, последуют находящиеся под его

влиянием.

Между прочим, Озеров сообщил мне, что Рязанский губисполком разрешил обновленцам взять в Рязань из Зимарова Боголюбскую икону, отказав в таковой просьбе православным. Я определенно сказал ему, что в Зимарове религиозная община православная, а не обновленческая, и она ни в коем случае не допустит отпуска иконы другой религиозной организации. Это во-первых. А во-вторых, в Рязани население православное. Оно ни в коем случае не примет участия ни во встрече, ни в молитвах с обновленцами, так как смотрит на такое намерение обновленцев – взять Боголюбскую икону – как на профанацию и кощунство. Святую чудотворную икону они хотят использовать для привлечения к себе народа. Этого не будет. После такого отзыва Озеров побывал у “своих” и после сообщил мне, что обновленцы хотя и получили разрешение на взятие иконы, но отказываются от приведения в исполнение своего намерения.

Мною была послана Вам историческая записка об обновленческом расколе в Рязани и Рязанском уезде. Получили ли Вы ее? Я спрашиваю об этом потому, что Вы ни разу не обмолвились о ней. Посему у меня и вкралось сомнение. Это во-первых. А во-вторых, в ней, хотя и кратко, я писал о появлении в Рязани древлеапостольской группы*. Причем мною было отмечено подозрительное ее появление, а также было и обращено внимание на инициаторов этой группы, как на лиц, имеющих тесную и близкую связь с ЧК и ГПУ. В числе этих лиц был указан священник села Поляны Григорий Гиацинтов, который был за свои доблести ВЦУ награжден вместе с Миловзоровым саном протоиерея. Крестьянам села Поляны такую свою деятельность Гиацинтов был очень хорошо известен. Они не знали, как от него избавиться, но ничего не могли сделать – боялись. Во время обновленческого движения Гиацинтов, будучи в Рязани правою рукою “известного А. Введенского”, был в то же время лицом, чрез которое становилось известным, “кому это нужно было знать”, обо всех, кто что говорил. Такая деятельность Гиацинтова заставляла всех оберегаться его и быть с ним особенно осторожным. Этот Гиацинтов был переведен в Жерновищи, где находятся его родные. В Жерновищах прихожане определенно потребовали от него православного исповедания. Да и вскоре за переходом его в Жерновищи на Рязанскую кафедру назначены были Вы; когда наступил в Рязани крах обновленчеству, Гиацинтов заявил себя православным. Владыка! Когда Красницкий выразил желание присоединиться к Церкви, взволновалось все православное население России, взволновалось не тем, что Красницкий присоединяется. Этому должно только радоваться. Грядущаго ко Мне не изжену вон. А взволновалось потому, что он приблизился к Святейшему Патриарху. Зная Красницкого, все почувствовали близкую опасность для Патриарха и православия от такого приближения. Владыка! Вы были в Жерновищах у Гиацинтова, но Вы не были осведомлены о его личности и деятельности. Когда будут у Вас рязанцы, порасспросите их о нем. Вам все расскажут. Я же в интересах охранения Вашей личности считаю своим долгом сказать только одно: “Будьте с ним крайне осторожны!” Мы все, конечно, радуемся, что Гиацинтов теперь не обновленец, но все-таки, будьте очень осторожны. Прошу Вас тысячу раз извинить меня за эти предупреждения, которые, может быть, Вам покажутся лишними и несколько

* Группа обновленцев – «Союз общин древлеапостольской церкви», возникший в 1922 году и возглавляемый А.И. Введенским. Программа этой организации носила открыто антиканонический характер.

навязчивыми. Но я полагаю, что если отцы заботятся о детях, то ведь и сыны не менее обязаны заботиться о благополучии отцов.

Прошу Ваших молитв и благословения.

Ваш смиренный послушник протоиерей Павел Добромыслов

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

...Относительно кафедрального собора дело обстоит так: я приглашал к себе Марию Федоровну Гречищеву и старался внушить ей и внушил, что в действительности при соборе никакой общины не существует. Лица, в свое время записавшиеся в обновленческую общину-группу, в настоящее время в своем большинстве стыдятся своей принадлежности к обновленчеству. Следует разузнать, из кого состояла группа обновленцев, в свое время принявшая кафедральный собор, походить по ним и убедить подать заявление о выходе из общины-группы и о расторжении договора по формальным основаниям за неимением должного количества членов. Это заявление должно исходить из среды самих обновленцев. Попутно с этим должна организоваться православная община при кафедральном соборе. Так мною она была инструктирована. Вышла она от меня с намерением осуществлять этот план.

Одновременно отец Сергей Соколов составил от имени верующих заявление в губисполком о передаче православным соборов от обновленцев в целях лучшего сохранения их, как археологической ценности, от дальнейшего разрушения. Но подписывать это заявление воздерживается давать, ссылаясь на то, что многие ожидают сокращения по службе и потому затрудняются дать своей подписи. И здесь опять скажу то же. Может быть, это и дипломатично, но лично мне не нравится. Если по этим мотивам воздерживаться, то придется воздерживаться до скончания века. Что не приемлемо для одного, то приемлемо и допустимо для другого. Да наконец, не все же только служащие.

Вы спрашиваете об обновленцах. Что же о них теперь говорить? После того как Иоанн раскаялся, после того, как свалились столпы: Озеров и скопинцы, – уже более мелкие чувствуют полную беспочвенность.

Заходил я вчера на Казанскую в кафедральный собор приложиться к святителю Василию. Вошел в притвор, спросил у какого-то типа разрешения войти в собор. Ответил: “Сейчас”. И тотчас получил приглашение войти в соборную сторожку. Там сидят: Михаил, Игнатьев и еще кто-то из их сотрудников и Долгомостьев. Я повторил свою просьбу открыть мне собор. Мне ответили: “Ключи от собора оставили дома”. И предложили мне присесть. Это была, конечно, явная ложь и нежелание пустить меня в собор. Я воспользовался предложением и сел. Начался разговор в довольно грубой форме: “Вы ездили к Патриарху с Иоанном?” – “Да, ездил”. – “Вы соблазнили нашего Иоанна, а теперь имеете дерзость еще прийти сюда и мешать нашим занятиям”. Так сказал Михаил. Я ответил: “Я пришел в храм, а в сторожку пригласили меня и предложили мне присесть. Меня удивляет, как это может быть, что теперь святыни стали для нас недоступны”. – “Ну, у нас сторожей нет. Вот будет служба, тогда и приходите, а теперь нам некогда”. Я сказал: “До свидания!” Вышел, помолился у окон храма, где лежит святитель, и ушел домой, чувствуя, что имя мое в соборе у обновленцев очень и очень одиозно, но в то же время не теряю надежды на помощь Божию в полной ликвидации обновленчества...»

Одним из первых действий архиепископа Бориса при вступлении на

Рязанскую кафедру было распоряжение об упразднении епархиального совета и создание епархиальной канцелярии, через которую он осуществлял все управление епархией. Архиепископ жил частью в Рязани, а частью в поселке вблизи станции Перловка под Москвой и управлял епархией через распоряжения по канцелярии. Переписка через канцелярию со священниками епархии, обращения архиепископа к пастве со временем стали составлять целые сборники. Властями появление таких сборников было расценено как нелегальное издание религиозного журнала.

Излагая содержание сборника, один из сотрудников ОГПУ написал: «...Мы находим, что программа его заключала в себе сведения общеинформационного характера, руководящие указания по части церковной жизни, отрывки из произведений различных авторов, не имеющих никакого отношения к Церкви, афоризмы, изречения, отрывки из поэтических произведений, советы по садоводству, огородничеству и медицине, хронике и отдел юриспруденции».

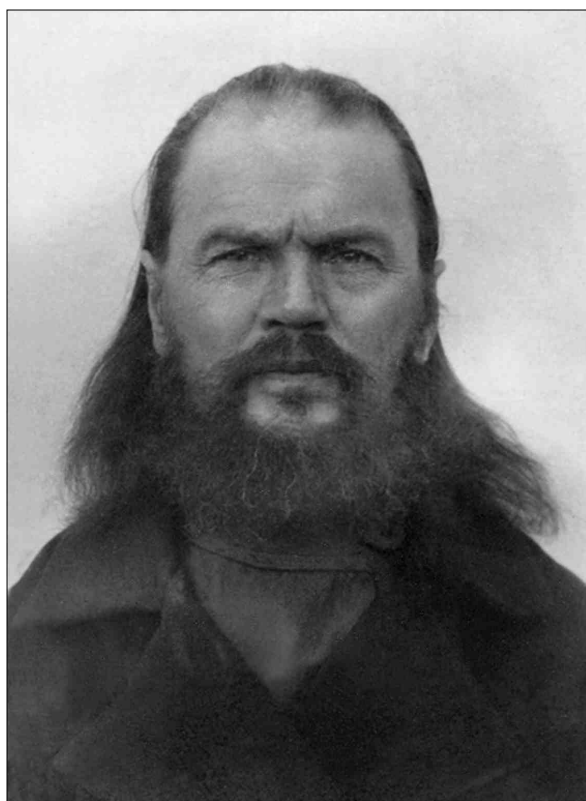
Архиепископ Борис (Соколов), его викарий епископ Глеб (Покровский) и группа духовенства города Рязани были арестованы в течение октября 1925 года. Протоиерей Павел Добромыслов был арестован 27 октября 1925 года и заключен в рязанскую тюрьму.

На допросах, отвечая на вопросы следователя, отец Павел сказал: «Епархиальная канцелярия содержится на сборы – складчины... При сборах руководствовались инструкцией НКЮ о сборах складчинах. “Циркуляры” архиепископа Бориса я рассматриваю как его распоряжения... Элемента политики в циркулярах я не нахожу. В содержании циркуляров ничего незакономерного я не находил... Приходскую книгу я считаю не противоречащей существующим законам и рассматриваю таковую как дополнение к списку при регистрации общины.

Уездным благочинным я назначен архиепископом Борисом (Соколовым). На совещаниях епархиальных благочинных я присутствовал, но не всегда. В круг моих обязанностей входило исполнение распоряжений архиепископа Бориса по Рязанскому уезду. На существование епархиальной канцелярии я смотрел как на явление вполне закономерное. Закономерным существование епархиальной канцелярии я считаю по следующим причинам. По распоряжению центральной гражданской власти епархиальной канцелярии был выдан штамп и печать, отобранные в 1924 году губернским отделом ОГПУ, причем разрешение на право имени печати аннулировано не было. С канцелярией епархиального архиерея считались государственные учреждения. Канцелярия была личной канцелярией архиепископа и не может быть рассматриваема как самостоятельная организация. Лично я от епископа Глеба (Покровского) слышал, что нам хотели вернуть печать и штамп. Все вышеизложенное вселяло в меня уверенность в закономерности существования епархиальной канцелярии. Я и епархиальные благочинные, как я полагал, в канцелярии архиепископа Бориса являлись только техническими исполнителями, привлеченными к работе в порядке церковной дисциплины. Деятельность канцелярии епархиального архиерея, с моей точки зрения, была вполне закономерной, не нарушающей существующих гражданских законов.

С содержанием “циркуляров” архиепископа Бориса я знаком поверхностно. Ничего предвзятельного в таковых я не находил. В “сестричествах” ничего противозаконного не нахожу, но лично организации таковых не сочувствую, так как я не сторонник участия женщин в делах церковных. С уставом сестричества я

детально не знаком. Ничего противозаконного в производимом канцелярией при архиепископе я не видел».

Протоиерей Павел Добромыслов. Рязань, тюрьма ОГПУ. 1925 год

Следствие было закончено 12 ноября 1925 года, и на следующий день протоиерей Павел написал письмо судебным властям: «Рязанским ОГПУ мне предъявлено по окончании предварительного следствия обвинение по статье 58, пункт 10 УК, причем конкретно мне ставится в вину участие в делах епархиальной канцелярии, организованной Рязанским архиепископом Борисом (Петром Алексеевичем Соколовым), на правах уездного благочинного.

Свое участие в делах Рязанской епархиальной канцелярии я никак не могу признать актом контрреволюционным, предусмотренным ст. 58 УК, по следующим основаниям.

Канцелярия епархиального архиерея никаких попыток в целях захвата власти даже и в мыслях не имела. Ее цель одна – устройство исключительно церковной жизни на основах гражданских законов и церковных канонов.

Епархиальная канцелярия существовала более двух лет. Ей было разрешено гражданской властью иметь свою печать и свой штамп. Ясно для меня было, что гражданская власть не смотрит на нее как на контрреволюционное учреждение...

Да и в самом характере деятельности епархиальной канцелярии совершенно не усматривалось признаков преступлений, предусмотряемых ст. 58 УК.

Епархиальной канцелярии инкриминируется распространение циркуляров архиепископа Бориса, якобы имевших контрреволюционный характер.

Но, во-первых, эти циркуляры были не в моем ведении, так как, повторяю, я в канцелярии не занимал самостоятельной роли, а во-вторых, отмечая в циркулярах призыв архиепископа Бориса (Соколова) к прибавлению

в молитвенных прошениях на ектениях молиться и “о властях наших”... я не замечал в них контрреволюционного направления...

Что касается создания библиотеки, якобы направленной против социализма и коммунизма, то относительно этого должен сказать, что в этом деле епархиальная канцелярия вообще не принимала участия. Это дело лично архиепископа Бориса. Но и он имел в виду создание библиотеки собственно апологетической, направленной на борьбу с неверием и атеизмом, а не против социализма и коммунизма...

Из вышеизложенного явствует, что я совершенно не могу признать себя виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 58 УК...»

Протоиерей Павел был обвинен в том, что, «являясь членом организованного Петром Алексеевичем Соколовым нелегального сообщества, выполнял, как член такового, все возлагаемые на него поручения. Способствовал размножению и распространению издававшегося Петром Алексеевичем Соколовым журнала “Циркуляры”, заведомо зная контрреволюционность его содержания. Своими действиями способствовал созданию библиотек с подбором литературы контрреволюционного характера. Принимал участие в издании распоряжений об установлении денежных сборов с религиозных общин Рязанской губернии, способствуя своими действиями принудительному взиманию таковых. Присваивал себе права юридического лица».

Дело было передано на рассмотрение секретаря 6-го отделения секретного отдела ОГПУ в Москве с предложением приговорить всех обвиняемых моложе пятидесяти лет к трем годам заключения в концлагерь, а старше пятидесяти – отправить в ссылку, само же дело передать на рассмотрение Особого Совещания. 26 марта 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Павла к трем годам заключения в концлагерь, и в том же году, после открытия навигации на Белом море, он был отправлен на Соловки.

По возвращении из заключения протоиерей Павел служил в храмах Рязанской епархии; в 1930 году власти снова арестовали его, обвинив в хранении мелкой разменной монеты, и он был приговорен к трем годам ссылки, которую отбывал в городе Семипалатинске в Казахстане.

По окончании ссылки в 1933 году, отец Павел вернулся в Рязанскую епархию и стал служить в Благовещенском храме в городе Рязани. В 1935 году часть причта этого храма перешла в обновленчество; отец Павел был вынужден покинуть приход. Он был назначен настоятелем Казанского храма в селе Солотча. Но прослужить ему здесь пришлось недолго. 16 марта 1938 года сотрудники НКВД вызвали на допрос в качестве лжесвидетеля служившего вместе с отцом Павлом диакона, который показал, что священник часто говорил в храме проповеди и в них призывал прихожан быть более ревностными в приготовлении к таинствам. Он предупреждал, что не прибегающие к таинствам могут оказаться вне Церкви и быть осужденными на вечные мучения. Священник в своих проповедях призывал к покаянию, призывал «отказаться от классовой борьбы», говорил, что если кто обижен, то должен простить и примириться, не ссориться.

26 марта 1938 года протоиерей Павел был арестован и заключен в рязанскую тюрьму. Допросы шли в течение полутора месяцев; следователи требовали, чтобы священник охарактеризовал суждения своих знакомых с политической стороны. Отец Павел на это ответил:

– С политической стороны названных мною лиц охарактеризовать не могу, так как с ними на политические темы не разговаривал.

– Вы арестованы за антисоветскую деятельность, которую вы проводили среди населения села Гавриловского. Дайте показания по этому вопросу.

– Никогда никакой антисоветской агитации я среди населения села Гавриловского не проводил.

– Следствие располагает данными, что вы, будучи контрреволюционно настроенным, среди населения вели контрреволюционную агитацию. Вы подтверждаете это?

– Нет, не подтверждаю.

– Вы даете неверные показания. Следствием установлено, что вы являетесь активным участником контрреволюционной организации церковников. Дайте правдивые показания.

– В контрреволюционной организации церковников я никогда не состоял.

– Вы продолжаете давать неверные показания. Следствие располагает достаточными данными о вашей принадлежности к контрреволюционной организации церковников. Следствие требует от вас правдивых показаний.

– Я еще раз заявляю: в контрреволюционной организации церковников я не состоял.

29 мая 1938 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило протоиерея Павла к восьми годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Он был отправлен в один из Карагандинских лагерей, куда прибыл 16 июля того же года. Протоиерей Павел Добромыслов скончался 2 февраля 1940 года в 8-м Чур-Нулинском отделении Карагандинского лагеря и был погребен в неизвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь». Тверь. 2005. С. 187-198